

КОЛОНКА РЕДАКТОРА

На фоне статей по культурологической тематике, представленных в очередном выпуске «Эко-потенциала», диссонансом прозвучало полученное мной письмо от одного московского коллеги. Привожу его текст в оригинале: «Введение москвича в этническое поле вполне оправдано. Москвичи - это особый народ, в основном продолжающий русские традиции, но особый. К тому же среди москвичей нет "чистокровных". Тут подход на основе гаплогрупп не работает. В то же время, это понятие не разъединяет, а объединяет. Конечно, можно говорить и о петербуржцах, и о жителях других городов, как об особых "народах". Но в Москве это более выражено. Может быть, петербуржцы представляют что-то подобное. Они ведь по гаплогруппам будут близки чухонцам».

Но вот что показательно: когда взорвали в Питере метро, таксисты (близкие к чухонцам) возили всех горожан бесплатно, а когда взорвали в Москве аэропорт, таксисты взвинтили цены до небес. Очень показательно для «продвинутого этноса»!

Да, москвичи – «особый этнос», конечно! Я это отметил ещё в конце 1970-х, работая в НИИ на казахстанской периферии, когда известный московский профессор Б.В. Виноградов, приехавший в наш институт, назвал цены за кандидатскую и докторскую диссертации в Москве (это то, что сейчас у москвичей называется: "Пишем вам диссертацию - под ключ!"). Для нашей глубинки, «вкальывающей» тогда в науке не за страх, а на совесть, подобное откровение был шокирующим! Теперь-то ясно, что все истоки нашей коррупции - в Москве, там очень «продвинутый» народ, а наша «лапотная» периферия всё как-то по старинке работает, как учили ещё в советские времена. Лет шесть назад один из руководителей Министерства образования и науки РФ собрал в стенах УПИ весь цвет екатеринбургской науки и стал учить профессоров «правильности» научных разработок. И тут поднимается с места проректор по научной работе Уральской юридической академии и заявляет прилюдно московскому чиновнику, что не вам нас учить, что логичней было бы делать наоборот, поскольку настоящая-то наука сейчас на периферии, в Москве же она насквозь коррумпирована.

Когда в 1990-х москвичи вводили поддержку ученых грантами Российского фонда фундаментальных исследований, то одним из достоинств этого новшества декларировалось равенство возможностей получения гранта научными школами по всей России. Лукавые московские чиновники умолчали об одной важной детали: оценивать научный уровень заявок, подлежащих финансированию, будет, в основном, именно московская научная «братия». Итог: более 90% заявок по РФФИ как оседали, так и оседают сегодня в Москве. Более того, были случаи, когда такой московский «эксперт» звонил на периферию заявителю и ставил условием его финансирования соавторство.

Затем последовало провозглашённое Москвой якобы равенство возможностей для поступления в престижные вузы школьников, обученных в столице и в деревне, которым московские «компрадоры» оправдывали введение безумного, обольняющего детей ЕГЭ. И это при 10-кратной-то разнице в оплате труда учителей там и тут! Видимо, неслучайно руководители элитных московских школ продолжают выступать в поддержку ЕГЭ. Реакцию же русской глубинки на это новшество эмоционально отразил Михаил Задорнов. Вот фрагмент из его выступления на канале «Триумф России» в 2009 году: «ЕГЭ – это контрольный выстрел в наше образование. Я проехал сейчас от Курильских островов до Байкала – стон стоит по всей России такой, какой Некрасову не снился – так кошмарят детей». Особенно впечатляет процедура самого экзамена, со всеми охранными атрибутами детской исправительной колонии, разве что колючей проволоки пока не видно.

Если в XV веке Москва была объединителем земель русских в единое целое, хранильницей традиций Святой Руси, то в XXI-м она стала «государством в государстве», живущим своей пресыщенной жизнью и стягивающим на себя 80 % финансовых ресурсов периферийной России, провоцируя тем самым центробежные тенденции

(<http://www.buhgalteria.ru/news/n7457>). Купание в финансовой роскоши так понравилось градоначальнику Москвы Собянину, что он предложил недавно, наряду с Москвой и Питером, создать в России еще две подобные агломерации, переселить в эти центры чудовищного скопления людей всё ныне безработное в своей массе население деревень и решить тем самым проблему сельской безработицы.

Святая Русь.
Худ. Стас Михайлов.

Сегодня вымирает русская деревня. Путь, пройденный уральским фермером Василием Мельниченко, - это отражение судьбы всего современного российского крестьянства. Фермер знает, почему государству выгодно её исчезновение:

«Россия производит впечатление великой страны, но больше ничего не производит. ...Задача Российской Федерации - обезлюдить сельские территории. ... Если в корень посмотреть, то это отличная ситуация для сдачи таких территорий в концессию международным синдикатам: чем меньше людей, тем лучше. Но есть и опасность: на землю без людей приходят люди без земли. И, так или иначе, эти территории заселят другие нации, другие народности. Такой может быть перспектива страны» (<http://www.novayagazeta.ru/economy/72193.html>).

Один из ярчайших представителей русской «деревенской прозы» Виктор Петрович Астафьев (1924-2001) прошел нелегкий жизненный и творческий путь. Почти сразу после детдома он, имея за плечами шесть классов школы, оказался на фронте, затем последовали тяжелые послевоенные годы в российской глубинке, где свой первый рассказ о войне он написал на «пластах» обоев, за неимением писчей бумаги. Вот как он сам вспоминает это время: «...Грамотешка у меня была довоенная – шесть групп, фронт дал, конечно, жизненный опыт, но культуры и грамотности не добавил. Надо было все это срочно набирать. Правда, я даже в окопах ухитрился книжки иметь и читать. Я знал, что предложение должно заканчиваться точкой, но вот где оно, предложение, заканчивается, точно не представлял».

В письме писателю П.В. Чацкому в 1959 году Виктор Петрович отмежевывается от некоторых столичных коллег: «Молодые “культурные” москвичи, имеющие под боком первоклассные библиотеки, академиков, маститых писателей и т. п., ничего за душой не имеют, кроме цинизма, пошленьких анекдотов, литературных сплетен и беспрецедентного апломба. Они и научились-то только тому, чтобы плюнуть в руку, которая дает им хлеб. Рабочий для них – быдло с жерновами вместо мозгов» (Астафьев, 2009). Писатель мог бы поселиться в столице, но до конца жизни предпочитает провинцию. Сознательность такого выбора он объясняет в одном из поздних рассказов: «Сожалел ли я о том, что не перебрался в столицы и не помаячил “на виду”? Я провинциален по духу своему, неторопливой походке и медленным мыслям. Слава богу, понял это тоже сам, и понял вовремя».

Петрозаводский культуролог, поэт Юрий Линник (2007) полагает, что эволюция, направленная на последовательное накопление благородства, на совершенствование человека, в России остановлена. У Виктора Астафьева эта основополагающая мысль сквозит в его печальных новеллах, опубликованных в книге «Созвучие» (2009). Его ли-

рика, созвучная с печалью Сергея Есенина, редко кого может оставить равнодушным: «Над окошком месяц. Под окошком ветер. Облетевший тополь серебрист и светел...» – доносится из приемника. И от пальцев ног, рук, от корешков волос, из каждой клеточки тела поднимается к сердцу капелька крови, колет его, наполняет слезами и горьким восторгом, хочется куда-то побежать, обнять кого-нибудь живого, покаяться перед всем миром или забиться в угол и вырветь всю горечь, какая только есть в сердце, и ту, что пребудет еще в нем. Голосистые женщины с тихим вздохом ведут и ведут про месяц за окошком, про тальянку, что плачет за околицей, и песнопевиц этих тоже жалко, хочется утешить их, пожалеть, обнадежить. Какая очищающая скорбь!».

Виктор Астафьев слушает Рязанский народный хор: «Дальний плач тальянки, голос одинокий...». И пишет: «Отчего же это и почему так мало пели и поют у нас Есенина-то? Самого певучего поэта! Неужто и мертвого все его отторгают локтями? Неужто и в самом деле его страшно пускать к народу? Возьмут русские люди и порвут на себе рубаху, а вместе с нею и сердце разорвут, как мне сейчас впору выскрести его ногтями из тела, из мяса, чтоб больно и боязно было, чтоб отмучиться той мукой, которой не перенес, не пережил поэт, страдающий разом всеми страданиями своего народа и мучаясь за всех людей, за всякую живую тварь недоступной нам всевышней мукой, которую мы часто слышим в себе и потому льнем, тянемся к слову рязанского парня, чтоб еще и еще раз отозвалась, разбередила нашу душу его боль, его всесветная тоска».

В 1989 году Виктор Астафьев пишет автору музыки на стихи Сергея Есенина «Над окошком месяц...» рязанскому композитору Евгению Григорьевичу Попову: «Когда я написал “Есенина поют”, работая в глухой, угасающей вологодской деревушке, находясь в одиночестве, хвори, написал разом, в один присест, после того, как услышал песню по радио, то долго не мог дознаться, кто автор? ...Я и сейчас не могу слушать эту песню спокойно, уже с первых слов, с запева баяна, горло мне стискивают слезы, потому что эта песня и про мою, сгоревшую на войне и в послевоенной нужде юность и молодость. Такая пространственная, пронзающая печаль! ...“За окошком месяц...” Тьма за окошком, пустые села и пустая земля. Слушать здесь Есенина невыносимо... И лежит без конца и края, в лесах и перелесках, среди хлебов и льнов, возле рек и озер, с умолкшей церковью посередине, оплаканная русским певцом Россия».

Москва духовно деградирует (достаточно включить любой из московских первых, и особенно - «молодёжных» каналов ТВ, чтобы ощутить на себе гуманитарную антисанитарию, льющуюся с экрана), а отечественная, русская ментальность хранится на периферии, в нашей глубинке, и ей не нужна европейская возня с «мультикультурализмом», «ювенальной юстицией», разгулом педерастии и пресмыканием псевдолиберальной Москвы перед Западом. Российская глубинка, а не Москва, всегда защищала Россию в трагические моменты ее истории. И сегодня, в современных российских реалиях, когда усилиями московских псевдолибералов село подвергнуто небывалому разгрому, звучит надежда на извечную сельскую традицию. Надежда, высказанная профессором Уральского лесотехнического университета, поэтом Рудольфом Николаевичем Ковалёвым (2016):

«Глубинка твоя, Россия,
Живёт всему вопреки.
Живёт ясноокостью синей,
Туманами у реки.
И люди ещё приходят
В тот старенький тесный клуб,
Куда приходили деды
В дни тяжких, кровавых смут.

Приходят, чтобы собраться
В дни памятных светлых дат,
Чтоб песни петь, улыбаться,
Где каждый друг и брат.
Глубинка твоя, Россия,-
Тот вечно живой родник,
Который живительной силой
Нас всех к добру возродит».

В.А. Усольцев.